

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Каковы основные черты общества, которое должно прийти на смену традиционной индустриальной цивилизации? Многие авторы стремятся акцентировать различия между современным состоянием общества и его новой формой. Наиболее последовательно этот взгляд проводится представителями теории постиндустриального общества. Идея постиндустриального общества, сформулированная в начале XX века А.Пенти, была введена в научный оборот после Второй мировой войны Д.Рисменом и получила широкое признание в начале 70-х годов благодаря работам Р.Арона и Д.Белла. Сегодня известны теории постиндустриального капитализма [1], постиндустриального социализма [2], экологического [3] и конвенционального постиндустриализма [4]. В основе концепции постиндустриального общества лежит оценка нового общественного целого как резко отличающегося от общества, господствовавшего на протяжении последних столетий. Речь идет о снижении роли материального производства и развитии сектора, создающего услуги и информацию, изменившемся характере человеческой деятельности, новых типах вовлекаемых в производство ресурсов, а также существенной модификации социальной структуры.

Данная теория обладает явными признаками технологического детерминизма. Это дало повод для критики со стороны представителей постмодернизма, принципы которого начинают доминировать в исследованиях будущего общества [5]. Постмодернисты полагают, что необходимо акцентировать внимание не только на сугубо хозяйственных явлениях, но и на формировании системы постматериальных ценностей, отходе от прежних методов организации труда и максимальном использовании творческого потенциала работников, а также более внимательно изучать сугубо социологические проблемы – формирование нового типа семьи и новых форм социального партнерства, повышение роли знания и изменение системы образования, национальные, этнические и иные проблемы. С развитием постмодернизма вновь возникает ситуация, которой не было в обществоведческой теории с середины прошлого столетия: экономические концепции в их наиболее принципиальных элементах оказываются органично включенными в систему социальных наук и становятся неотделимыми от нее в той же степени, в какой само современное хозяйство неотделимо от реальных форм общественной жизни. Наряду с названными концепциями в 60-е и 70-е годы возникли представления, согласно которым современное общество можно обозначить как постбуржуазное, посткапиталистическое, пострыночное, посттрадиционное и постисторическое. Однако эти экзотические понятия не получили в литературе заметного распространения.

Концепции постиндустриального и постмодерного общества имеют, на наш взгляд, два методологических преимущества. С одной стороны, они отражают на теоретическом уровне противоположность нового общества его прежним формам, с другой – позволяют противопоставить новую эпоху не всей истории человеческого общества, а лишь его отдельной стадии, отмечая существование доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества (Д.Белл [6]), премодернистского, модернистского и постмодернистского состояния (С.Крук и С.Лэш [5]), или “первой”, “второй” и “третьей” волн цивилизации (О.Тоффлер [7]).

Приверженцы второго подхода ставят в центр внимания обстоятельства, непосредственно не определяющие общество как социальное целое. Наиболее известная попытка такого рода связана с введением в научный оборот в начале 60-х годов Ф.Махлупом и Т.Умсао термина “информационное общество”, положившего начало теории, развитой такими авторами, как М.Порат, Й.Масуда, Т.Стоуньер, Р.Катц и др. [8]. Прогресс человечества рассматривается сквозь призму прогресса знания. В этом плане теория имеет известных предшественников [9]. К ней непосредственно примыкают

концепция технетронного (от греческого *techné*) общества, созданная З.Бжезинским [10], а также доктрины, подчеркивающие определяющую роль знаний в современном обществе [11].

Попытки охарактеризовать новое общество посредством апелляции к отдельным чертам его социальной структуры малочисленны, а предлагаемые определения лишены необходимой конкретности. Так, понимание формирующегося состояния как “организованного”, “конвенционального” или “программируемого” не обеспечивает выделения того комплекса основных принципов и отношений, который является центральным для формирования и развития подобной структуры. Свидетельством неадекватности такого подхода может служить и то, что предлагаемые определения подобного рода все чаще принимают предельно общий характер; так, начинают говорить об “активном” и даже “хорошем” обществе.

“Постэкономическое общество” может быть рассмотрено в числе трех эпох исторического прогресса. Первая из них названа Марксом архаической, или первичной, общественной формацией, вторая – экономической общественной формацией (*oekonomische Gesellschaftsformation*), третья – эпохой становления и развития коммунистических принципов, хотя непосредственно как коммунистическая общественная формация она не определялась. Маркс рассматривал коммунистическое общество как преодолевающее основные черты экономической формации. В рамках советской версии марксизма утверждалась теория “общественно-экономических” формаций, а коммунистическое общество стало трактоваться как противоположность капиталистическому строю: термин экономическая общественная формация с этого времени фактически не применялся.

В начале 70-х годов термин постэкономическое общество был использован Г.Каном и Д.Беллом, однако ни тот, ни другой автор не связывал с ним сколь-либо серьезных теоретических обобщений. Данное понятие теряло свое значение по мере развития постиндустриальной теории, классики которой неоднократно отмечали, что выход общества за пределы экономического состояния невозможен.

Следует отметить, что Маркс, крайне бережно относившийся к созданной им терминологической системе, употребляет выражение “*oekonomische Gesellschaftsformation*” только в текстах, написанных на немецком языке и последовательно воздерживается от применения английского аналога (типа “*economic formation of society*”) или французского (“*formation économique de la société*”). Тот факт, что, подробнейшим образом анализируя соотношение архаической и экономической эпох в набросках ответа на письмо В.Засулич, написанных по-французски, он считает возможным обозначить формацию, по всем признакам являющуюся экономической, лишь как *formation secondaire*, подчеркивает наличие серьезных препятствий, не позволяющих использовать подобное понятие в иных текстах, кроме немецких. Такая ситуация заставляет по-новому взглянуть на понятие “*oekonomische Gesellschaftsformation*”.

Если в немецком языке существуют два весьма отличающихся друг от друга и несущих различное смысловое значение понятия – “*Oekonomie*” и “*Wirtschaft*”, которые имеют русские аналоги – “экономика” и “хозяйство”, то ни английский, ни французский языки подобного разделения не допускают. Немецкий язык, позволяя использовать слово “*Wirtschaft*” для обозначения любой формы организации общественного хозяйства, в то же время предполагает, что термин “*Oekonomie*” может быть применен только тогда, когда речь идет о вполне определенном уровне развития *Wirtschaft* или же об отдельных его аспектах; в обоих случаях в центре внимания оказывается не непосредственное производство, а соответствующая ему система общественных отношений.

Принципы разделения понятий “*Wirtschaft*” и “*Oekonomie*” весьма строго соблюдаются, обуславливая существование целой системы комплементарных терминов. Некоторые фундаментальные принципы их использования сформировались еще в прошлом веке и не подверглись значительной модернизации. Так, народное хозяйство в

качестве совокупности производств и связей между ними обозначается как *Volkswirtschaft*, а экономика страны в контексте мирового хозяйства – как *Nationaloekonomie*. Еще очевиднее становится подобное различие при противопоставлении натурального и товарного хозяйства – *Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft*; более того, оно необходимо, ведь термин "*Naturaloekonomie*" – нонсенс.

Существование в русском языке понятий “экономика” и “хозяйство” позволяет адекватно воспринимать немецкие терминологические противопоставления; в начале века “политическая экономия” и “теория народного хозяйства” имели специфические оттенки, позволявшие различать их предметы. В дальнейшем богатство терминологии было в значительной степени утрачено, однако термин “натуральная экономика” не применяется даже сегодня.

Во французском и английском языках упомянутые понятия не разводятся. Так, книга австрийца А.Допша "*Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte*" вышла на французском языке под вполне нормальным для франкоязычного исследователя, но неприемлемым для немецкого методолога названием "*Economie-nature et economie-argent dans l'histoire mondiale*". Французские авторы по мере возможностей стремились доступными им способами подчеркнуть отличия *Wirtschaft* от *Oekonomie*; так, Ф.Бродель, непререкаемый авторитет в исследовании буржуазного типа хозяйства в средневековой Европе, не случайно назвал одну из главных своих работ "*Civilisation materielle, economie et capitalisme*", пытаясь тем самым отделить "*vie materielle*", которой он обозначал феномен, называвшийся им "*economie tres elementaire*", от "*economie*" в привычном для французского читателя смысле. Однако английский перевод его работы имел простое и понятное название "*Civilisation and Capitalism, 15th-18th centuries*".

Термин “постэкономическое общество” вполне адекватно обозначает то историческое состояние, которое приходит на смену современной цивилизации. Как в хронологическом, так и в теоретическом аспектах "*oekonomische Gesellschaft*" представляет собой более масштабное социальное явление, нежели "*industrial society*"; поэтому становление "*post-oekonomische Gesellschaft*" следует расценивать не как изменение существующей социальной структуры, а как возникновение нового общества, замещающего экономический строй. При этом отмеченные терминологические различия позволяют не воспринимать подобное *замещение* как *разрушение* прежней хозяйственной структуры, несмотря на то, что возникающий социальный организм уже не определяется закономерностями и отношениями, присущими экономической эпохе. *Wirtschaft*, на протяжении тысячелетий впитывавшее в себя элементы *Oekonomie*, усваивавшее и использовавшее их для обеспечения технологического и социального прогресса, сегодня отторгает их, поскольку на новом витке общественного развития соответствующие противоречия уже не могут обеспечить темпа прогресса, заданного порожденными ими самими изменениями. При этом и усвоение, и отторжение экономических принципов воплощаются в гигантских социальных революциях; результатами подобных трансформаций становятся новые общества, принимающие от прежних эстафету материального прогресса, но развивающиеся на основе собственных законов и принципов.

Постэкономический строй противостоит эпохе, включающей в себя весьма разнообразные социальные устройства – от античных полисов до капитализма. Критерием различения доэкономического, экономического и постэкономического обществ является существующая в этих типах социумов система соподчинения индивидуальных интересов. На протяжении всей истории главными для человека были *материальные* интересы; однако их значение в доэкономическую и экономическую эпохи было различным. В первом случае весь комплекс хозяйственных отношений исчерпывался отношениями непосредственного производства, и каждый человек мог удовлетворять свои материальные потребности лишь в той мере, в какой это удавалось всему примитивному сообществу. Материальные интересы были *одномерны*, они как бы находились на одной линии, совпадающей с направлением общественного интереса. Граница между

доэкономическим и экономическим типами общества пролегает там, где человек начинает осознавать свой материальный интерес как противоположный интересам других людей и примитивного сообщества в целом. С этого момента одномерное развитие завершается, и возникает бесчисленное количество различных интересов, противостоящих друг другу в рамках мира, остающегося *двумерным*, так как интересы, уже различимые по масштабам и направлению, по-прежнему лежат в единой плоскости, задаваемой их материальным характером. Переход к постэкономической эпохе в рамках данной логики означает становление *многомерного* мира, ибо он обусловлен прежде всего тем, что интересы человека начинают выходить за пределы, задаваемые одним лишь стремлением удовлетворить свои материальные нужды.

Основой перехода человечества от экономической стадии развития к постэкономической служит преодоление утилитарно мотивированной активности как доминирующего вида человеческой деятельности. Данное обстоятельство открывает возможность для осмысления экономической эпохи как единого целого. Ее главные связующие нити – суть отношения товарного обмена, частной собственности и эксплуатации – феномены, возникшие на заре экономического общества из разных, хотя и сопряженных друг с другом, социальных институтов. Будучи средством разрешения глобального противоречия между производством и потреблением, они далеко не всегда адекватно дополняли друг друга. Товарный обмен предполагает равенство, которое ранние формы эксплуатации резко отрицали. Частная собственность основана на возможности отделения достояния одного человека от достояния других, что было крайне затруднено в условиях раннеклассовых деспотий. Развиваясь в разных социальных нишах, данные явления становились, каждое по-своему, важнейшими компонентами прогресса всего общественного целого. Различные формы обществ, составлявшие, по выражению Маркса, “прогрессивные эпохи экономической общественной формации”, обнаруживали не только все более и более развитые их формы, но, что гораздо важнее, *растущую взаимобусловленность*. Процесс становления экономической эпохи можно представить как взаимопроникновение и взаимопереплетение трех основных черт, заложенных еще на первых исторических ступенях этого общества. Данный процесс завершился в условиях буржуазного строя, когда любые факторы и результаты производства были включены в систему товарного обмена, эксплуатация стала осуществляться через обмен товаров, а частная собственность оказалась распространена даже на способность человека к производству благ и идей. В то же время этот период был ознаменован тем, что развитие производства и технологий сделало материальные потребности относительно удовлетворенными, а стремление человека к совершенствованию собственных возможностей – ключевым фактором хозяйственного прогресса. Таким образом, достижение экономической эпохой своих наиболее развитых форм стало началом ее упадка. Сегодня мы наблюдаем зарождение новой, постэкономической, цивилизации.

Становление постэкономического общества представляет собой деструкцию экономического строя. Так же, как раньше экономические отношения расширяли сферу своего господства, устранив прочие хозяйственные и политические формы, так и ныне новое общество прокладывает себе дорогу отрицанием элементов прежнего социального устройства. Важнейшей чертой этого процесса становится преодоление труда как утилитарной активности и замена его творческой деятельностью, не мотивированной материальными факторами. Будучи радикально связанным с модернизацией системы человеческих ценностей и привычных психологических ориентиров, такой процесс протекает относительно медленно. Это обстоятельство должно, на наш взгляд, существенно изменить понимание сегодняшней эпохи как периода революционного скачка от “индустриального” к “информационному” обществу. Подобный переход, даже если он и осуществится достаточно стремительно, не изменит социальную структуру в той мере, в какой это считают возможным пророки информационной революции. Именно оценка современной трансформации как перехода от экономического общества к

постэкономическому позволяет осознать, что соответствующий период будет весьма продолжительным и не оставит места для революционных экспериментов.

Основными направлениями модернизации производственных отношений нового общества в ближайшие десятилетия останутся, на наш взгляд, эволюция принципов рыночного хозяйства, собственности и эксплуатации. Эти процессы разворачиваются и как прямое следствие прогресса материального производства, и как отражение изменений, происходящих на субъективном уровне в сознании и системе ценностей членов общества.

Важнейшими характеристиками вторичной эпохи являются, как уже отмечалось, рыночный обмен, частная собственность и эксплуатация; их преодоление представляет собой сущность современной социальной трансформации. Разделение труда и основанное на нем товарное производство служили источником социального прогресса на протяжении всей экономической эпохи. Развитие общественного производства от античного полисного хозяйства, причудливо сочетавшего товарный сектор с доминировавшей системой натурального хозяйства, через средневековье, в рамках которого началось активное проникновение товарных отношений во все элементы общественного хозяйства, и вплоть до становления буржуазного способа производства, когда сфера товарного обращения инкорпорировала все факторы и результаты последнего, представляло собой не прогресс политических форм и смену классовых обществ, а эволюцию форм товарного хозяйства. История свидетельствует, что развитие этих форм – процесс весьма продолжительный, и следовательно, преодоление рыночных отношений будет не менее сложным.

Столь же характерной чертой экономического общества является широкое распространение отношений частной собственности. При этом в буржуазном обществе они отличаются от форм, существовавших на более ранних фазах данной эпохи. Отношения собственности начали складываться не с возникновения *частной* собственности, а со становления собственности *личной*, причем в весьма разнообразных формах – от личной собственности земледельца на долю общинной земли, сельскохозяйственный инвентарь и продукты труда до личной монарха собственности на все достояние государства, включая подданных. Частная собственность в привычном понимании появилась намного позже, когда политическая власть, основанная на насилии, уступила место силам, отражающим экономические цели и ориентиры нового строя. Поэтому проповедь необходимости и возможности быстрого преодоления частной собственности на средства производства, будучи реакцией на противоречия капиталистического способа производства, не отражает реалий становления постэкономического общества. Оценка его как приходящего на смену всей вторичной эпохе, напротив, предполагает, что преодоление форм частной собственности – процесс естественный и неизбежный и потому он не будет быстрым и революционным.

Еще одна черта экономической эпохи – феномен, называемый эксплуатацией и определяющий большинство социальных проблем “экономических” обществ. Рассмотрение общества лишь как отрицания капитализма приводит к пониманию единственной возможности преодоления эксплуатации через такое реформирование распределительных отношений, когда часть продукта, обычно присваиваемого представителями праздных классов, будет перераспределена в пользу реальных производителей общественного богатства. Отрицание всей экономической эпохи формирует иной взгляд. Суть его в том, что эксплуатация может быть преодолена как феномен сознания в большей мере, чем как хозяйственное явление. Эксплуатация обусловлена не самим фактом отчуждения у производителя части его продукта, которое неизбежно при любой форме общества; она существует там, где такое отчуждение воспринимается работником как противоречащее реализации его материального интереса. Там же, где большинство интересов перестают быть материальными, эксплуатация преодолевается как значимый элемент социальных отношений. Преодоление этого

характерного атрибута экономической эпохи окажется, скорее всего, гораздо более длительным процессом, чем это представлялось ранее.

Литература

1. *Heilbroner R.L.* Business civilisation in decline. New York, 1976. P. 73.
2. *Gorz A.* Farewell to the working class: An essay on post-industrial socialism. London, 1982
3. *Roszak T.* Where the wasteland ends: Politics and transcendence in postindustrial society. New York, 1972; *Bahro R.* From red to green. London, 1984.
4. *Illich I.* The tools for conviviality. London, 1985.
5. См., например: *Crook S., Pakulsky J., Waters M.* Postmodernisation: change in advanced society. London, 1992; *Gellner E.* Postmodernism, reason and religion. London, 1992; *Giddens A.* Modernity and self-identity. Cambridge, 1991; *Jameson F.* Post-modernism, or, the cultural logic of late capitalism. London, 1992; *Lash S.* Sociology of Postmodernism. New York, 1990; *Lash S., Friedman J.* Ed. by modernity and identity. Oxford, 1992; *Rose M.A.* The post-modern and the post-industrial. Cambridge, 1991.
6. *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting. New York, 1973; *Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. New York, 1976.
7. *Toffler A.* The third wave. New York, 1980.
8. *Porat M., Rubin M.* The information economy: Development and measurement. Washington, 1978; *Masuda Y.* The information society as post-industrial society. Washington, 1981; *Stonier T.* The wealth of information. London, 1983; *Katz R.L.* The information society: An international perspective. New York, 1988, и др.
9. См., например: *Condorcet J.-A., de.* Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain. Paris, 1794; *Saint-Simon Cl.H., de.* Cathechisme des industriels. Paris, 1832.
10. *Brzezinski Z.* Between two ages. New York, 1970. P. 9.
11. *Lane R.E.* The decline of politics and ideology in the knowledgeable society // American sociological review. 1966. Vol. 31. P. 649-662; *Dickson D.* The new politics of science. New York, 1984. P. 163-216; *Stehr N.* Knowledge societies. London, 1994. P. 5-18; *Sakaiya T.* The knowledge-value revolution or a history of the future. New York, 1991. P. 57-58, 267-287.